

Призрак-Лидер

A dramatic illustration of a blue fighter jet, possibly a Sukhoi Su-26, flying directly towards the viewer over a city at night. The jet has two large engines mounted on its wings. In the background, a massive, bright orange and yellow explosion fills the sky. Two bright yellow laser beams or energy trails extend from the bottom of the frame towards the jet's engines. The city below is dark, with some buildings visible.

Сергей Патрушев

Сергей Патрушев

Призрак-Лидер

«Автор»

2026

Патрушев С.

Призрак-Лидер / С. Патрушев — «Автор», 2026

Шестнадцатилетний Кай Арден — лучший пилот Академии Флота, но его гений заперт в симуляторах: реальный космос закрыт для него из-за возраста. Всё меняется, когда он выполняет запрещённый манёвр «Мертвая петля Танатоса», чтобы спасти грузовой корабль от столкновения с астероидом. Его выходку замечает командир легендарного отряда «Шторм» и предлагает место среди элиты. Так начинается путь Призрака — от непризнанного курсанта до тактического лидера команды, где каждый — живое оружие: маг стихий, мечник, рассекающий пули, и снайпер, попадающий в монету на орбите, но истинная сила «Шторма» не в магии и не в технологиях, а в умении быть единым организмом. Каю предстоит понять: вести за собой это больше, чем управлять кораблём. Это значит стать сердцем семьи, за которую он готов умереть и воскреснуть.

© Патрушев С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Горизонт событий	5
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Сергей Патрушев

Призрак-Лидер

Глава 1. Горизонт событий

Симуляция была безупречна. Как и всегда. Кай замер в кресле пилота, чувствуя, как вибропластик подлокотников холодит ладони даже сквозь тонкие тактические перчатки. Этот холод был единственным, что напоминало о реальности происходящего. Все остальное — глубокая, бархатистая чернота за прозрачным колпаком кабины, алмазная пыль далеких звезд, мягкое мерцание голографических панелей по периметру — существовало лишь в виде математической модели, безупречно просчитанной бортовым компьютером и спроецированной прямо в его сознание через нейроинтерфейс шлема.

Он не смотрел на приборы. Давно уже не смотрел. Когда проводишь в симуляторе по двенадцать-четырнадцать часов в сутки на протяжении трех лет, показатели датчиков перестают быть набором цифр и превращаются в нечто иное — в продолжение собственного тела, в шестое чувство, которое подсказывает положение корабля в пространстве быстрее, чем глаза успевают сфокусироваться на дисплее. Кай ощущал истребитель. Легкая «Игла» класса «перехватчик», пусть и существующая лишь как последовательность нулей и единиц в вычислительном ядре симуляционного модуля, сейчас была продолжением его собственной нервной системы, дополнительным набором конечностей, подчиняющихся не командам, а намерениям.

— Испытуемый 734, — раздался в шлемофоне сухой, лишенный интонаций голос инструктора. Даже сквозь фильтры связи Кай узнавал эту особую манеру — лейтенант Грэйвз, ночной дежурный, уставший и раздраженный необходимостью торчать в диспетчерской вместо того, чтобы отсыпаться в каюте. — Завершите стандартный маневровый цикл «Омега-четыре». Временной лимит — девяносто секунд.

Девяносто секунд. Кай усмехнулся краешком губ, и это движение отразилось на внутренней поверхности шлема легким искажением биометрических сенсоров. Для курсантов его потока — а точнее, для тех курсантов, что были на два, на три года старше, потому что в свои шестнадцать он числился в группе восемнадцатилетних, — этот норматив был чем-то вроде экзаменационного рубежа. За «Омегу-четыре» боролись. Ее пытались сдать по три-четыре раза, обливаясь потом, матерясь сквозь зубы и порой ломая дорогостоящее оборудование в приступах бессильной ярости. Инструкторы ставили дополнительные занятия, курсанты зубрили последовательности маневров, рисовали схемы на планшетах, шептали себе под нос алгоритмы действий, словно молитвы.

Для Кая это было даже не упражнением — разминкой. Он проходил «Омегу-четыре» за тридцать две секунды в худшие свои дни, когда не высыпался или когда накануне перегружал запястья на ручном управлении. В лучшие — за двадцать восемь, и это время считалось на «Фаэтоне» неофициальным рекордом, который предпочитали не афишировать. Потому что одно дело — когда рекордсменом становится двадцатилетний выпускник с сотней часов реального налета, и совсем другое — когда шестнадцатилетний мальчишка, которому по уставу запрещено даже приближаться к настоящему истребителю.

— Принято, — бросил он в микрофон, стараясь, чтобы голос звучал ровно. Без тени эмоций. Без вызова. Просто сухое подтверждение получения приказа.

Пальцы легли на сенсорные панели. Кай сделал глубокий вдох — медленный, размеренный, чувствуя, как диафрагма опускается, как расширяются легкие, как кислород поступает в кровь, насыщая каждую клетку тела. Это был его ритуал, отработанный до автоматизма. Мир вокруг начал сужаться, уходить на периферию сознания, пока не остался только тоннель абсолютной концентрации — состояние, которого другие пилоты добивались годами медитаций и психологических тренировок, но которое приходило к нему само, естественно, словно включался какой-то внутренний тумблер. Он выдохнул — медленно, контролируемо — и коснулся панели управления.

«Игла» сорвалась с места.

Перегрузка вжала его в кресло — симуляция честно отрабатывала этот момент, заставляя компенсаторы кресла сопротивляться, мышцы напрягаться, кровь приливать к затылку. Кай работал на грани человеческих возможностей и, возможно, даже за этой гранью. Он переводил истребитель из одного маневра в другой с текучестью, которая больше напоминала танец — сложный, выверенный, но при этом кажущийся импровизацией. Разворот Иммельмана, классика космического боя, выполнялся чисто, без потери скорости и без смещения центра масс. Скольжение в боковом дрейфе — идеальный угол атаки, ни градуса отклонения от оптимальной траектории. Восходящая спираль с одновременным сбросом ложных целей — тепловые ловушки рассыпались алмазной пылью именно там, где должны были, создавая помехи, которых не существовало, обманывая ракеты, которых не было.

В реальном космосе этот маневр означал бы, что он только что ушел от трех самонаводящихся ракет класса «земля-космос», оставил преследователя гадать, где настоящая цель, и вышел в тактически выгодную позицию для контратаки. Но здесь, в симуляции, не было ни преследователя, ни ракет. Только он и математическая модель боя, на сто процентов предсказуемая и оттого почти оскорбительная в своей простоте.

— Двадцать семь секунд, — произнес он вслух, завершая последний элемент цикла и замирая в контрольной точке. — Цикл завершен.

Истребитель послушно завис, чуть покачиваясь на гравитационных стабилизаторах — программная имитация, учитывающая даже микроскопические возмущения от работы двигателей. В шлемофоне повисла тишина. Длинная, густая, какая-то даже растерянная. Кай мог представить, как лейтенант Грэйвз сейчас смотрит на показатели, как перепроверяет датчики, как ищет ошибку, сбой в симуляции, глюк вычислительного модуля. Потому что двадцать семь секунд — это было за гранью. Это было быстрее, чем позволяла физика, быстрее, чем допускали технические характеристики самой «Иглы». Но сбоя не было. Было только мастерство, доведенное до автоматизма за тысячи часов, проведенных в виртуальных кабинах, за тысячи повторений одних и тех же маневров, за тысячи бессонных ночей, когда вся станция спала, а он гонял симулятор на пределе его вычислительных возможностей.

— Испытуемый 734, — голос инструктора наконец вернулся, и в нем появилась та особая нотка, которую Кай научился распознавать еще два года назад, когда впервые побил рекорд старшего курса по времени прохождения полосы препятствий. Смесь раздражения и неохотного восхищения. Раздражения — потому что какой-то мальчишка ломал всю систему оце-

нок, выставял дураками старших курсантов и ставил под вопрос компетентность инструкторов. Восхищения — потому что такие результаты нельзя было не признать. — Цикл засчитан. Показатели в пределах... приемлемых значений.

«Приемлемых». Кай стянул шлем, и его темные волосы — слишком длинные для курсанта Академии, вечно взлохмаченные, не желающие подчиняться ни расческе, ни уставу — рассыпались по плечам. Он провел ладонью по лицу, стирая испарину, выступившую на лбу, хотя физических нагрузок симуляция не давала — только психологические. Он знал, что значит это слово в устах лейтенанта Грэйвза. Показатели были идеальными, выше идеальных, они выходили за пределы стандартных шкал оценивания, но инструктор не мог заставить себя признать это вслух. Потому что тогда пришлось бы отвечать на неудобные вопросы. Например, почему пилот с такими результатами уже два года не может получить допуск к реальным полетам. Почему его держат на орбитальной станции, как лабораторную мышь в клетке, как ценный экспонат, который страшно разбить. Почему все его достижения существуют только в виде цифр на экране и записей в бортовом журнале симулятора, а не в виде боевых вылетов, отметин на корпусе истребителя и часов реального налета.

Потому что ему шестнадцать.

Эта цифра висела над ним, как дамоклов меч, с того самого дня, когда он впервые переступил порог Академии. Тринадцатилетний мальчишка, принятый в порядке исключения, по специальному разрешению комиссии, после того как прошел вступительные тесты с результатами, превышающими показатели выпускников. Тогда это казалось чудом, счастливым билетом, прорывом. Теперь, три года спустя, Кай понимал, что это была ловушка. Академия получила уникала, которого можно было изучать, тестировать, на котором можно было обкатывать новые методики подготовки. Но выпускать его в реальный космос никто не собирался.

Официальная версия звучала красиво и обоснованно: Академия Флота заботится о безопасности несовершеннолетних курсантов. Реальные полеты разрешены только с восемнадцати лет, и это правильно, это гуманно, это продиктовано заботой о психике и физиологии подростков. Симуляции обеспечивают достаточный уровень подготовки, а после совершеннолетия курсанты легко адаптируются к реальным условиям. Так говорили инструкторы. Так было написано в уставе. Так считалось правильным.

На деле это означало, что Кай заперт на станции «Фазтон» — огромной, величественной конструкции, вращающейся на орбите Марса, словно гигантское колесо, спицами которого служили жилые модули, а ободом — технические сектора и ангары. Здесь готовили будущих пилотов для Объединенного Космического Флота. Здесь круглосуточно гудели симуляторы, здесь пахло озоном от работающих генераторов, здесь по коридорам ходили юноши и девушки в серой форме курсантов с нашивками, обозначающими курс и специализацию. И здесь же, среди этого муравейника амбиций и надежд, Кай чувствовал себя призраком — невидимым, бесплотным, существующим где-то на периферии внимания. Три года он уже здесь, и еще два года ему предстояло прозябать в симуляторах, пока другие — старшие, но куда менее талантливые, куда менее подготовленные — получали свои крылья и уходили в черноту, к звездам, о которых он мог только мечтать.

Он поднялся с кресла и потянулся, разминая затекшие мышцы. Тело требовало движения, требовало нагрузки — симуляция не давала физической усталости, но создавала ее иллюзию, и мозг послушно реагировал, посылая сигналы утомления. Симуляционный модуль

представлял собой идеальную сферу из композитного материала, внутри которой на сложной системе карданных подвесов крепилась кабина истребителя — точная копия настоящей, вплоть до царапин на панелях управления, воспроизведенных по чертежам серийных «Игл». Искусственная гравитация здесь была чуть ниже земной нормы — так требовали стандарты предполетной подготовки, чтобы пилот привыкал к условиям, близким к реальным. Кай чувствовал себя легким, почти невесомым, каждое движение давалось с неестественной плавностью, но это ощущение давно уже не приносило радости. Скорее, оно напоминало о том, что он все еще здесь, в симуляции, а не там, в холодной бархатной черноте, которая ждала его за бортом станции.

Он прошел к выходу, коснулся сенсора — холодная панель считала отпечаток, пискнула подтверждением, — и герметичная дверь с шипением ушла в стену, открывая коридор. В коридоре пахло рециркулированным воздухом — характерный металлический привкус с примесью озона, к которому привыкаешь за первые недели на станции, а потом перестаешь замечать вовсе. Тусклое аварийное освещение создавало полумрак, размывая очертания предметов и погружая станцию в состояние сонного оцепенения: основная линия освещения была переведена в экономичный режим, потому что на «Фаэтоне» сейчас ночная смена. Большинство курсантов спали в своих каютах. Инструкторы дремали в дежурках. Техники вяло переговаривались в диспетчерских, коротая время до рассвета.

Кай не спал уже вторую ночь подряд. Это не было бравадой или попыткой доказать что-то окружающим — просто когда не получается летать по-настоящему, когда единственное, что тебе доступно, это симуляция, ты начинаешь брать от нее все, что она может дать. Тренироваться до изнеможения. Доводить показатели до абсолюта. Стирать грань между возможным и невозможным. И однажды инструкторы перестают ставить тебе баллы, потому что твои результаты выходят за пределы шкалы оценивания, и тогда они просто заводят отдельную графу в журнале, особую строку, которая не поддается стандартному анализу. «Испытуемый 734. Категория: аномалия».

Он шел по пустым коридорам, не чувствуя усталости — только легкое гудение в мышцах, эхо перегрузок. Адреналин от симуляции все еще гулял в крови, заставляя сердце биться чаще, чем нужно для спокойной ходьбы, обостряя восприятие, делая тени резче, а звуки громче. Он знал, что через пару часов, когда адреналиновый пик спадет, его накроет откатом — навалится свинцовая усталость, закружится голова, мышцы нальются болью, напоминая о том, что человеческое тело не создано для таких нагрузок, для такого режима, для такого безжалостного отношения. Но пока он был на пике, на гребне волны, и это ощущение — острое, яркое, почти болезненное в своей интенсивности — стоило любых последствий. Это было единственное, что напоминало ему о полете. Настоящем полете.

В учебном крыле его ждал сюрприз. И сюрприз этот Каю совершенно не понравился.

Диспетчерская рубка, обычно пустующая в ночные часы или занятая одним-двумя скупающими техниками, была ярко освещена. За прозрачными перегородками из армированного стекла, способного выдержать разгерметизацию, виднелись силуэты — не меньше пяти-шести человек, склонившихся над пультами. Что-то происходило. Что-то нестандартное, выбивающееся из монотонного расписания ночной смены. Кай инстинктивно замедлил шаг, прижался плечом к холодной металлической стене и прислушался, стараясь слиться с тенями. Это была старая привычка, выработавшаяся за годы в Академии, — всегда знать, что происходит вокруг, всегда быть на шаг впереди, всегда иметь информацию. Информация — это оружие, а оружия

у шестнадцатилетнего курсанта, запертого в симуляторах, было не так много, чтобы разбрасываться даже крохами.

— ...двенадцать минут до входа в зону контроля, — доносился сквозь стекло приглушенный голос. — Грузовик «Атлант», бортовой номер 881-К, запрашивает коридор стыковки. Повторяю: запрашивает коридор стыковки.

— Передайте им стандартную схему захода, — ответил второй голос, более низкий, с командирскими интонациями. Кай узнал его — капитан Торн, старший смены, мужчина лет пятидесяти с лицом, изрезанным морщинами, как поверхность древнего астероида. — Пусть следуют по вектору семнадцать-дробь-четыре. Стандартный протокол, никаких отклонений.

— Сэр, у них повреждение маршевых двигателей. Маневрирование ограничено. Данные телеметрии показывают падение мощности на сорок процентов.

— Насколько ограничено? Конкретнее.

— Боковое ускорение не превышает тридцати процентов от нормы. Тридцать, сэр. Если пойдут по стандартной схеме, на втором вираже их гарантированно снесет. Понесет в сектор обломков.

Кай нахмурился. В его голове сама собой начала выстраиваться картина происходящего — трехмерная, объемная, со всеми векторами, траекториями, гравитационными возмущениями. Это тоже было частью его дара — способность видеть пространство не как плоскость на экране радара, а как объемную среду, в которой каждый объект движется по своим законам, подчиняясь физике и баллистике. Грузовой корабль «Атлант» — он знал этот тип. Старые, еще довоенной постройки транспортники, с гравитационными компенсаторами первого поколения, с двигателями, которые даже в идеальном состоянии не блистали маневренностью. Они были надежными, как молоток, и такими же поворотливыми. На таких судах повреждение маршевых двигателей означало не просто неудобство, не просто задержку рейса — это означало реальную, осязаемую опасность. Тридцать процентов бокового ускорения — это практически полное отсутствие маневра. Это все равно что пытаться управлять автомобилем с отказавшим рулевым управлением на скользкой дороге. А стандартная схема захода на «Фаэтон» включала два резких изменения курса для обхода скоплений орбитальных обломков — наследия давних боев и текущих строительных работ.

— Ведите их по резервному коридору, — после короткой паузы распорядился капитан Торн. В его голосе звучало напряжение, но не паника — опытный диспетчер, он привык к нештатным ситуациям. — Увеличьте временной интервал до четырех минут, чтобы служба контроля успела пересчитать траектории обломков. И передайте на «Атлант» — пусть готовятся к экстренному торможению, если что-то пойдет не так.

— Так точно, сэр. Передаю.

Кай услышал, как загудели системы связи, передавая новые инструкции на борт «Атланта». Где-то там, в холодной черноте, экипаж грузовика принимал эти инструкции, и, вероятно, на их лицах сейчас отражалась та же смесь напряжения и надежды, которую он ощущал здесь, в безопасности станции. Он уже собирался идти дальше — не его дело, не его компетенция, не его ответственность, — когда его внимание привлекло кое-что еще. Мелочь,

деталь, которую заметил бы далеко не каждый, но которую его мозг выхватил автоматически, как радар выхватывает цель среди помех.

На одном из вспомогательных мониторов, том, что висел в углу рубки и обычно отображал сводку погоды или график дежурств, сейчас была развернута карта ближнего космического пространства — сектор, непосредственно прилегающий к станции. И на этой карте, в самом углу, почти за границей зоны контроля, медленно, словно нехотя, ползла маленькая красная точка.

Астероид. Небольшой, классифицированный системой как «незначительная угроза» — такие объекты отслеживались автоматически, но обычно не требовали вмешательства, потому что их траектории проходили на безопасном расстоянии. Но его траектория...

Кай подошел ближе к стеклянной перегородке, почти вплотную, так что дыхание затуманило прозрачную поверхность. Он вглядывался в схему, и в его голове уже щелкали невидимые шестеренки, просчитывая варианты. Астероид двигался по нестандартной орбите. Такое иногда случалось, когда космический мусор или небольшие небесные тела попадали в гравитационные аномалии, создаваемые станцией, проходящими кораблями или даже далеким Марсом. Диспетчеры этого не замечали — их внимание было целиком поглощено «Атлантом», пересчетом траекторий обломков для резервного коридора, координацией действий наземных служб. Но Кай видел. Он видел, как красная точка медленно, неотвратно смещается к центру карты, к тому самому месту, где через несколько минут должен был пройти грузовик.

Если астероид сохранит текущий курс, через восемь-девять минут он окажется точно на пересечении с вектором захода «Атланта». И тогда, с учетом поврежденных двигателей, с учетом мизерного запаса по маневренности, грузовик просто не успеет уйти с линии столкновения. Удар. Пробоина в корпусе. Разгерметизация. Возможно — детонация реактора.

— Эй! — Кай постучал костяшками пальцев по перегородке, привлекая внимание диспетчеров. Звук получился гулким, резким, неуместным в напряженной тишине рубки. — У вас неучтенный объект в квадрате девятнадцать-дробь-два. Траектория пересекается с резервным коридором.

Один из техников — молодой парень с нашивками младшего лейтенанта, чье лицо показалось Каю смутно знакомым, — поднял голову от своего пульта. Он всмотрелся в показатели на мониторе, сверился с картой, нахмурился и отмахнулся — движение, исполненное той особой снисходительности, с какой старшие по званию обычно реагируют на советы курсантов.

— Видим. Объект «Сигма-144». Опасности не представляет, траектория проходит ниже стандартных коридоров. Это мусор, просто космический мусор.

— Вы пересчитали с учетом резервного коридора? — спросил Кай, и в его голосе прозвучало что-то такое, от чего младший лейтенант вздрогнул. Не угроза, не наглость — спокойная уверенность человека, который уже знает ответ.

Повисла пауза. Густая, вязкая, наполненная тихим гулом аппаратуры. Техник перевел взгляд на карту, затем на старшего смены, ища поддержки, затем снова на карту. Его пальцы забегали по сенсорной панели, пересчитывая траектории, и с каждым мгновением его лицо

становилось все бледнее. Кай видел, как расширяются его зрачки, как напрягаются желваки на скулах.

— Сэр... — начал он, и голос его предательски дрогнул. — Сэр, объект «Сигма-144». Его текущая траектория и новый резервный коридор имеют точку пересечения. Повторяю: точку пересечения. Расчетное время — шесть минут сорок секунд.

Старший смены, капитан Торн, в два шага оказался у пульта. Коренастый, кряжистый, с лицом, напоминавшим выветренную скалу, он впился взглядом в монитор, и Кай почти физически ощутил, как в рубке стучится напряжение, как воздух становится плотнее, как тишина наполняется невысказанным ужасом. Шесть минут сорок секунд. Это был не срок — это был приговор.

— Время до столкновения уточните! — отрывисто бросил капитан.

— Шесть минут тридцать восемь секунд... нет, шесть тридцать пять... сэр, объект ускоряется! Гравитационное поле станции начинает его притягивать, он входит в зону эффективного воздействия!

— Свяжитесь с «Атлантом». Пусть выполняют экстренное торможение. Все двигатели на полную мощность, все ресурсы на торможение!

— Сэр, при их поврежденных двигателях полное торможение займет не меньше десяти минут. — Техник говорил быстро, сбивчиво, но цифры были точными. — Даже если они начнут сейчас, даже если выжмут все до последнего процента мощности, они просто не успеют погасить скорость до точки пересечения.

— Тогда пусть меняют курс! — Капитан Торн уже не говорил — рычал, и в его голосе звенела сталь. — Любой другой вектор, на выбор, мне плевать на протоколы! Пусть уходят в сторону!

— Невозможно, сэр. Резервный коридор — единственный безопасный маршрут на данный момент. Все остальные сектора забиты обломками после вчерашнего демонтажа старого модуля. Мы их еще не расчистили, не успели... — техник запнулся, осознавая чудовищность ситуации. — Если они отклонятся от коридора, риск столкновения с обломками составит почти сорок процентов. Сорок, сэр. Это гарантированное повреждение корпуса.

Кай смотрел на карту, на две медленно сближающиеся точки — красную, обозначающую астероид, и зеленую, обозначающую «Атлант», — и в его голове уже выстраивался план. Это происходило само собой, на уровне рефлексов, на уровне того самого загадочного «шестого чувства», которое так раздражало инструкторов. Его мозг просчитывал варианты быстрее, чем бортовые компьютеры иных кораблей, перебирая сотни возможных решений, отбрасывая негодные, комбинируя оставшиеся. Грузовик не мог ни затормозить, ни сменить курс — его возможности были исчерпаны. Диспетчеры ничего не могли сделать — в их арсенале были только команды, протоколы и молитвы. Ситуация требовала вмешательства совершенно иного порядка, иного уровня, иной степени риска.

Требовался пилот.

— Я могу сбить его, — сказал Кай.

В рубке стало тихо. Так тихо, что он услышал, как где-то в углу капает конденсат из системы охлаждения — мерный, ритмичный звук, похожий на биение сердца. Старший смены медленно, словно преодолевая сопротивление воды, повернулся к нему. В его взгляде читалось все сразу: недоверие, раздражение, усталость, горечь осознания собственного бессилия и что-то еще — возможно, искра надежды, которую он пытался задавить, потому что надеяться было не на что.

— Курсант, покиньте диспетчерскую, — отчеканил капитан Торн. Каждое слово падало, как камень. — Это не ваша компетенция. Это не ваша ответственность. Это приказ.

— У вас нет вооруженных истребителей на дежурстве, — спокойно ответил Кай. Он не двигался с места. — Ближайший боевой борт прибудет через двадцать минут, и это при условии, что его успеют поднять с марсианской базы. Астероид ударит по «Атланту» через шесть. Через шесть минут, капитан. Или вы даете мне машину — прямо сейчас, без проводов, — или через шесть с половиной минут у вас будет триста тонн грузовика с пробойной в корпусе, с поврежденным реактором и, вполне возможно, с утечкой реакторного топлива в непосредственной близости от станции. Вы понимаете, что это значит?

Капитан Торн побледнел. Последний аргумент подействовал безотказно, как удар под дых. Утечка реакторного топлива вблизи жилых модулей — это было страшнее столкновения, страшнее потери корабля, страшнее всего, что можно было представить. Это означало эвакуацию всего сектора, а то и всей станции, две тысячи человек персонала и курсантов, панику, хаос, возможные жертвы. И одно дело — потерять грузовик с экипажем, и совсем другое — поставить под угрозу существование всей Академии.

— У тебя нет допуска к реальным полетам, — сказал капитан, но его голос звучал уже не так уверенно. В нем появилась трещина, надлом, сквозь который просвечивало отчаяние. — Ты не имеешь права даже приближаться к истребителю. Это нарушение устава, это трибунал, это...

— У меня шесть тысяч часов симуляций, — перебил его Кай. Он говорил спокойно, почти лениво, но внутри у него все звенело от напряжения, натянутое до предела, как струна перед разрывом. — Шесть тысяч часов. Это больше, чем у некоторых инструкторов. Я прохожу «Омегу-четыре» за двадцать семь секунд при нормативе в девяносто. Я могу выполнить любой маневр из боевого каталога с закрытыми глазами. И я единственный пилот на этой станции, кто сейчас способен справиться с задачей.

Он сделал паузу, глядя капитану прямо в глаза. Взгляд серых глаз — холодных, спокойных, не по возрасту взрослых — встретился с воспаленным взглядом Торна.

— Вы можете отдать меня под трибунал потом, — тихо добавил Кай. — Когда все закончится. Когда люди на «Атланте» будут в безопасности. Но сейчас — дайте мне корабль.

Капитан Торн медленно выдохнул. Его плечи опустились, словно с них сняли невидимый груз — или, наоборот, взвалили новый, еще более тяжелый. Он посмотрел на карту, где красная и зеленая точки неумолимо сближались. Посмотрел на техников, застывших у пультов.

Посмотрел на Кая — мальчишку в серой форме курсанта, который стоял перед ним и предлагал решение, невозможное, немыслимое, но единственное.

— Четвертый ангар, — выдавил он наконец, и каждое слово давалось ему с видимым трудом. — Там стоит «Игла» после регламентных работ. Она заправлена, вооружена, прошла предполетную проверку. Но если ты... если что-то пойдет не так...

Кай не дослушал. Он уже бежал.

Коридоры станции слились в серую размытую ленту, рассекаемую ритмичными вспышками аварийных ламп. Он мчался, отталкиваясь от поручней в местах, где искусственная гравитация ослабевала, перепрыгивая через комингсы герметичных дверей, игнорируя предупреждающие надписи и знаки ограничения скорости. Подошвы ботинок скользили по металлическим плитам пола, дыхание сбивалось, сердце колотилось где-то в горле, но он не замедлялся. Четвертый ангар находился в техническом секторе, в самом дальнем конце станции, и чтобы попасть туда, требовалось преодолеть три уровня и два перехода. Обычно этот путь занимал не меньше семи минут — размеренным шагом, с соблюдением всех протоколов безопасности. Кай справился за три с половиной, и когда он ворвался в ангар, легкие горели огнем, а перед глазамиплыли цветные круги.

Ангар встретил его холодным светом аварийных ламп, запахом машинного масла и озона, низким гулом систем жизнеобеспечения. «Игла» стояла на стартовых захватах — хищный, вытянутый силуэт, острый, словно лезвие ножа, с хищно скошенными крыльями и матово-черным корпусом, поглощающим свет. Настоящий истребитель. Не симуляционная копия, не математическая модель, не проекция в нейроинтерфейсе. Живой, дышащий, готовый к полету корабль, от которого исходило едва уловимое тепло работающих систем.

Техник, дежуривший в ангаре — сонный, взъерошенный, с чашкой остывшего кофе в руке, — попытался что-то возразить, когда увидел курсанта, бегущего к истребителю. Он открыл рот, поднял руку в предостерегающем жесте, но Кай просто отодвинул его в сторону — мягко, но неумолимо — и забрался в кабину по выдвижному трапу, даже не заметив, как техник выронил чашку, и коричневая жидкость растеклась по полу ангара.

Кабина встретила его знакомым запахом пластика и металла — точно таким же, как в симуляторе, но с едва уловимым отличием, которое он не мог определить словами. Запах реальности, подумал он. Запах настоящего. Пальцы автоматически нашли нужные тумблеры, запуская предполетную подготовку в ускоренном режиме. Зажглись огни на приборной панели — зеленые, желтые, синие, складываясь в знакомый узор. Двигатели ожили с низким, утробным гулом, который передавался через корпус, через кресло, через кости — глубокий, вибрирующий звук, от которого заныли зубы и зачесались ладони.

Настоящие двигатели. Не программная имитация вибрации, не синтезированный звук в наушниках шлема. Живая, физическая дрожь мощных плазменных установок, каждая из которых могла в одиночку разогнать корабль до орбитальной скорости. Кай положил ладони на панель управления и на мгновение закрыл глаза, чувствуя, как истребитель отзывается на его прикосновение — едва заметным дрожанием, словно живое существо, признающее хозяина.

— Диспетчерская, это борт... — он запнулся, осознав то, о чем не подумал раньше. У него не было позывного. Не было регистрационного номера в системе. Не было даже офици-

ального права находиться в этой кабине. — Это «Игла» из четвертого ангара, — закончил он, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — Запрашиваю экстренный старт. Цель — перехват астероида «Сигма-144». Оружие к бою готово.

Повисла пауза — долгая, мучительная, наполненная треском помех в канале связи. Затем голос капитана Торна, сухой и напряженный, как натянутый трос:

— Принято, «Игла». Даю разрешение на экстренный старт. Коридор свободен. Данные цели передаю на твой бортовой компьютер. И... — еще одна пауза, еще один щелчок помех, словно капитан собирался сказать что-то еще, но передумал. — И удачи, курсант. Удачи.

Стартовые захваты разжались с металлическим лязгом, и «Игла» выскользнула из ангара в открытый космос — плавно, почти неощутимо, словно лодка, соскользнувшая с берега в темную воду.

Это было совсем другое ощущение. Совсем не такое, как в симуляции. Кай ожидал, что разница между виртуальной моделью и реальностью будет значительной — его предупреждали об этом, об этом говорили инструкторы, об этом писали в учебниках, — но он не думал, что разница окажется настолько ошеломляющей. Здесь не было сглаженных алгоритмами перегрузок, не было микрозадержки отклика, неизбежной даже в самых совершенных симуляторах. Только чистый, безжалостный, абсолютный космос и корабль, который слушался каждого его движения с точностью, граничащей с телепатией.

Звезды были ярче. Гораздо ярче. Не просто светящиеся точки на черном фоне — каждая звезда сияла своим собственным, неповторимым светом, и этот свет не был приглушен программными фильтрами. Чернота вокруг была глубже, бархатистее, она не имела границ и измерений, она была бесконечностью, в которой можно было утонуть, потеряться, раствориться без следа. А скорость — скорость была реальной, физической, ощущаемой не по приборам, а по тому, как сжималось сердце и перехватывало дыхание.

— «Атлант» вызывает «Иглу», — раздался в шлемофоне взволнованный, срывающийся голос. Судя по помехам, связь шла через ретранслятор станции, но даже сквозь эти помехи Кай слышал страх. Настоящий, животный страх. — «Игла», мы видим вас на радарх. Что происходит? Почему экстренный старт? Что нам делать?

— Сохраняйте текущий курс и скорость, — приказал Кай, выводя «Иглу» на траекторию перехвата. Его пальцы порхали над сенсорами, внося микроскопические коррективы в курс. — Никаких резких маневров. Никакого торможения. Просто держите вектор. Я разберусь.

Он отключил связь — не из высокомерия, а потому что сейчас ему нужна была полная концентрация, абсолютная тишина в эфире. Астероид он увидел почти сразу — каменистая глыба неправильной формы, кувыркающаяся в пустоте, словно брошенный ребенком мяч. Бортовой компьютер «Иглы» услужливо вывел на голографический дисплей все параметры: диаметр около сорока метров, масса приблизительно двести тысяч тонн, скорость относительно «Атланта» — почти километр в секунду, состав поверхности — силикаты и металлические включения. Расстояние быстро сокращалось, таяло с каждой секундой, и Кай физически ощущал, как сжимается время, отведенное на принятие решения.

Компьютер предложил стандартную схему поражения — она всплыла на дисплее аккуратной оранжевой линией: выйти на дистанцию пуска, выпустить ракету с тепловым наведением, уйти в сторону, дожидаться детонации. Просто. Надежно. Безопасно.

Но было поздно. Ракете требовалось время на захват цели, на разгон до эффективной скорости, на стабилизацию курса. Времени на все это не оставалось. Астероид был слишком близко, «Атлант» — слишком уязвим, а расстояние между ними сокращалось с каждой секундой.

Кай стиснул зубы так, что заныли скулы. Оставался только один вариант. Тот самый маневр, который он отрабатывал в симуляторе долгими бессонными ночами, когда никто не видел, когда инструкторы не могли заглянуть в логи тренировок. Маневр, запрещенный к применению во всей Академии и во всем Объединенном Космическом Флоте. Маневр, который стоил жизни десяткам пилотов — и гениальных, и просто самоуверенных, — пытавшихся его повторить.

«Мертвая петля Танатоса».

Название было древним, мифологическим, пришедшим из тех времен, когда человечество еще не вышло за пределы Солнечной системы. Танатос — бог смерти в древнегреческой мифологии. И маневр, названный в его честь, полностью оправдывал это имя. Суть его была проста и безумна одновременно, как и все гениальное: истребитель выходил на курс, пересекающийся с траекторией астероида, в последний возможный момент совершал кувырок через нос, используя гравитационное поле астероида как якорь для разворота, и выпускал ракету практически в упор, с дистанции, на которой промахнуться было невозможно физически. Риск заключался в том, что если пилот ошибался с таймингом хотя бы на долю секунды, если он неправильно рассчитывал угол подхода, если его рука дрожала на штурвале — истребитель просто врезался в цель. И тогда вспышка, короткая и яркая, становилась последним, что видел пилот.

Кай вдохнул. Медленно, глубоко, чувствуя, как кислород наполняет легкие, как замедляется пульс, как мир вокруг сужается до тоннеля, в котором существуют только он, истребитель и цель. Он выдохнул. И начал маневр.

— Что ты делаешь?! — голос диспетчера сорвался на крик, пробиваясь сквозь отключенную связь, потому что капитан Торн использовал аварийный канал, который невозможно было заблокировать. — «Игла», твоя траектория ведет к столкновению! Ты идешь прямо на астероид! Немедленно уходи в сторону! Немедленно!

Кай не ответил. Он полностью отключил связь — на этот раз физически, щелкнув тумблером на приборной панели. Тишина в шлемофоне стала абсолютной, и в этой тишине он чувствовал только биение собственного сердца и легкую дрожь истребителя. Время замедлилось, растянулось, стало вязким и густым. Он видел, как астероид надвигается, заполняя весь обзор, как его каменистая поверхность, изрытая кратерами и трещинами, несется навстречу. Видел, как мерцают датчики на панели, предупреждая о критическом сближении. Видел, как звезды за астероидом сливаются в сияющие полосы от скорости.

Момент.

Он почувствовал его — не увидел, не вычислил, а именно почувствовал, тем самым шестым чувством, которое невозможно объяснить словами. Момент, когда расстояние сократилось до критического минимума, когда гравитационное поле астероида начало захватывать истребитель, когда еще секунда — и будет поздно. Кай дернул ручку управления на себя и вбок одновременно — резко, сильно, вкладывая в движение все силы. «Игла» закрутилась в безумном, запредельном вращении, проходя так близко от поверхности астероида, что Кай мог различить отдельные камни и трещины на его поверхности, освещенные светом далеких звезд. Перегрузка вдавила его в кресло с такой силой, что потемнело в глазах, но он уже нажимал на гашетку.

Ракета сорвалась с направляющих и ушла вперед — крошечная искра на фоне гигантской каменной глыбы. Она преодолела расстояние до цели за долю секунды и ударила точно в центр, в самое сердце астероида.

Вспышка была ослепительной. Астероид разлетелся на тысячи осколков — мелких и крупных, сияющих в свете далеких звезд, словно алмазная крошка. «Иглу» тряхнуло ударной волной, закрутило, повело в сторону, но Кай уже выравнивал корабль, компенсируя возмущение, работая движками, возвращая контроль. Его руки дрожали. Сердце колотилось где-то в горле. Перед глазами все еще плавали багровые круги от перегрузки. Но он справился.

— «Атлант», — выдохнул он в микрофон, включая связь. Голос звучал хрипло, но спокойно. — Угроза ликвидирована. Астероид уничтожен. Продолжайте заход на стыковку по резервному коридору. Опасности больше нет.

В рубке диспетчерской воцарилась та особенная, звенящая тишина, которая наступает после того, как смертельная опасность миновала. Все, кто находился там — капитан Торн, младший лейтенант, другие техники, — не отрываясь смотрели на экраны, где только что разыгрался невозможный, немыслимый, запрещенный маневр. Они видели, как «Игла» шла прямо на астероид. Видели, как она закрутилась в самоубийственном вращении. Видели вспышку. И теперь они видели, как истребитель, целый и невредимый, ложится на обратный курс.

Капитан Торн вытер вспотевший лоб тыльной стороной ладони — движение было медленным, каким-то даже торжественным — и тяжело опустился в кресло, чувствуя, как подгибаются ноги.

— Зафиксировано, — произнес он севшим, чужим голосом. — Поздравляю, курсант. Ты только что угробил свою карьеру.

Кай не ответил. Он развернул истребитель и повел его обратно к станции — медленно, аккуратно, словно нехотя. Адреналин уходил, оставляя после себя звенящую пустоту и странное, непривычное ощущение в груди. Это было опустошение. И одновременно — триумф. Он сделал это. Он действительно сделал это — спас корабль, спас людей, выполнил маневр, который считался смертельным. И теперь, скорее всего, его ждет трибунал. Возможно, исключение из Академии с позором. Возможно, даже тюремный срок — за угон боевого истребителя, за нарушение дюжины протоколов безопасности, за использование запрещенного маневра. Но впервые за три года, впервые за бесконечные месяцы, проведенные в симуляторах, он чувствовал себя по-настоящему живым. Не курсантом. Не «Испытуемым 734». Не феноменом для изучения.

Пилотом.

Четвертый ангар встретил его суетой и беготней. Техники сновали вокруг, словно потревоженные муравьи, осматривали «Иглу» на предмет повреждений, проверяли системы, перекрикивались друг с другом на профессиональном жаргоне. Кто-то уже вызвал медицинскую бригаду — стандартный протокол после экстренного старта. Кай выбрался из кабины на ватных, непослушных ногах и прислонился спиной к теплому, все еще вибрирующему корпусу истребителя. Его трясло. Крупной, неконтролируемой дрожью, которую он не мог остановить. Не от холода — в ангаре было тепло, — а от выброса адреналина, от нервного перенапряжения, от осознания того, что он только что сделал и что это значило.

— Впечатляюще.

Голос раздался из темноты, из густой тени за опорной колонной ангара, и Кай вздрогнул, резко оборачиваясь, инстинктивно принимая боевую стойку. В тени колонны стоял человек. Высокий, широкоплечий, в черном летном комбинезоне без знаков различия — ни нашивок, ни званий, ни эмблем подразделения. Его лицо с резкими, будто высеченными из камня чертами оставалось в полумраке, но глаза — светло-серые, почти бесцветные, с странным серебристым отливом — смотрели на Кая пристально, изучающе, словно сканируя его насквозь. В тусклом свете аварийных ламп ангара незнакомец казался сотканным из теней — фигура на грани реальности и вымысла, возникшая из ниоткуда и готовая в любой момент исчезнуть.

— Ты знаешь, что такое «Мертвая петля Танатоса»? — спросил незнакомец. Он сделал шаг вперед — плавный, текучий, совершенно бесшумный, — и теперь Кай мог рассмотреть его лучше. Черный комбинезон, облегающий мускулистое тело. Руки, покрытые сеткой старых шрамов — следов ожогов, порезов, возможно, даже пулевых ранений. Лицо, на котором не отражалось никаких эмоций, но которое при этом излучало такую силу и властность, что хотелось подчиниться. От него исходило ощущение опасности — сдержанной, контролируемой, но абсолютной. Такой опасности, с которой бесполезно бороться.

— Знаю, — ответил Кай, выпрямляясь и стараясь, чтобы голос не дрожал. — Запрещенный маневр. Считается невыполнимым. Смертельным.

— Запрещенный, потому что смертельный, — поправил незнакомец с легкой, едва заметной усмешкой. — Из двадцати трех пилотов, пытавшихся выполнить его за последние десять лет, выжили трое. Трое из двадцати трех. Это тринадцать процентов. Это хуже, чем русская рулетка. Из этих троих только один смог повторить маневр в боевых условиях и не погибнуть. Один за десять лет. — Он остановился в двух шагах от Кая, и теперь мальчишка мог видеть его лицо во всех подробностях. Шрам, пересекающий левую бровь. Тонкие губы, сжатые в жесткую линию. Глаза — холодные, светло-серые, с вертикальными зрачками, как у кошки, — которые, казалось, видели его насквозь. — Теперь нас двое.

Кай сглотнул. В горле внезапно пересохло, а сердце, только начавшее успокаиваться после маневра, снова пустилось вскачь. Он понял — не умом, а каким-то древним, животным чутьем, — что человек в черном не принадлежит к персоналу станции. Он вообще не принадлежит ни к одной известной Каю структуре. Слишком чуждо он выглядел, слишком опасно, слишком нездешне. От него исходило ощущение силы — сдержанной, контролируемой, но

готовой в любой момент вырваться наружу и смести все на своем пути. Как у спящего вулкана. Как у хищника, притворившегося спящим.

— Кто вы? — спросил Кай, стараясь, чтобы вопрос прозвучал уверенно, а не испуганно.

— Командир элитного отряда «Шторм», — ответил незнакомец, и каждое слово упало в тишину ангара, как камень в стоячую воду, расходясь кругами смысла. — Майор Рейнхард. И я пришел сюда, на эту богами забытую станцию, чтобы предложить тебе место у себя.

«Шторм». Это название ударило Кая, как разряд тока. Он знал это название — его знали все в Академии, все во Флоте, все в обитаемой части галактики. Легендарное подразделение, элита из элит, пилоты, о которых слагали баллады и которых боялись даже свои. «Шторм» не подчинялся обычному командованию, не следовал стандартным протоколам, не отчитывался перед штабом. Они появлялись там, где ситуация становилась безнадежной, и меняли ее исход. Они делали невозможное. И попасть в «Шторм» было практически невозможно — требовались годы безупречной службы, десятки боевых вылетов, сотни подтвержденных побед, рекомендации высшего командования и прохождение адских отборочных испытаний, которые многие не переживали.

— «Шторм», — прошептал Кай, и это слово прозвучало как молитва.

— Тебе шестнадцать, — продолжал майор Рейнхард, и в его голосе не было ни насмешки, ни снисхождения, ни фальшивого сочувствия — только спокойная констатация факта. — По всем законам Объединенного Флота, по всем уставам и протоколам ты не имеешь права находиться в кабине настоящего истребителя. Ты должен сидеть в симуляторах, зубрить теорию, ждать совершеннолетия и надеяться, что к тому времени твой талант не зачахнет от бездействия. Но законы, видишь ли, пишутся для обычных людей. Для средних. Для тех, кто укладывается в рамки стандартных шкал оценивания. А ты, судя по тому, что я только что видел, далеко не обычный.

— Вы следили за мной?

— Я наблюдал. — Майор чуть скривил губы в подобии улыбки — холодной, мимолетной, как вспышка далекой звезды. — Это разные вещи. Слежка подразумевает скрытность и недобрые намерения. Наблюдение — это сбор информации с целью анализа. Я на «Фаэтоне» уже неделю. Изучаю перспективных курсантов, просматриваю записи симуляций, беседую с инструкторами. И должен признать, твои результаты... озадачили меня. Они выходят за пределы всех шкал, ломают все кривые распределения. Честно говоря, я уже начал подозревать, что это какая-то ошибка системы, сбой в вычислительном ядре симулятора. Но то, что ты сделал сегодня, — он кивнул в сторону «Иглы», все еще дымящейся после посадки, — это не ошибка. Это не сбой. Это талант, которого я не видел уже много лет. Талант, который не должен гнить в учебных ангарах.

Кай молчал, пытаясь осмыслить услышанное. В его голове царил хаос — обрывки мыслей, эмоций, воспоминаний кружились, сталкивались, рассыпались искрами. «Шторм». Майор Рейнхард. Предложение, от которого у любого пилота сжалось бы сердце. Но что-то не давало ему покоя — какая-то мысль, вертевшаяся на грани сознания, но ускользавшая от понимания. Слишком все это было неожиданно. Слишком вовремя. Слишком идеально.

— Что будет с моим делом? — спросил он наконец, и вопрос прозвучал более резко, чем он хотел. — Я угнал истребитель. Нарушил протоколы безопасности. Выполнил запрещенный маневр. Меня ждет трибунал, исключение, возможно, тюрьма.

— Уже ничего, — спокойно ответил Рейнхард, и в его голосе прозвучала та абсолютная уверенность, которая бывает только у людей, привыкших отдавать приказы и не получать возражений. — Пока ты был в космосе, пока ты спасал «Атлант», я связался с командованием Флота. С теми, кто принимает решения. Инцидент уже квалифицирован как «вынужденная мера по предотвращению катастрофы». Все обвинения сняты. Ты не преступник, курсант. Ты герой. — Он помолчал, давая Каю время осознать сказанное, и добавил: — Если, конечно, ты примешь мое предложение. В противном случае... — он не закончил фразу, но в его молчании было больше смысла, чем в любых словах. Трибунал — это не самое страшное, что может случиться с человеком, который отказал «Шторму».

В его тоне не было прямой угрозы — майор Рейнхард не опускался до угроз, — но Кай понял: выбора ему не оставляют. Впрочем, он и не хотел выбирать. С того самого момента, как в ангаре прозвучало слово «Шторм», все остальные варианты перестали существовать. Он уже сделал свой выбор — возможно, даже раньше, чем осознал это.

— У меня будет позывной? — спросил он, и его голос прозвучал почти по-детски, хотя он и старался скрыть волнение.

— Будет. — Майор склонил голову набок, разглядывая его, как энтомолог разглядывает редкое насекомое. — Сам придумаешь или мне доверишь? У меня, надо сказать, богатая фантазия. Могу назвать тебя «Вундеркинд». Или «Малыш». Или «Счастличик» — за то, что выжил после «Петли Танатоса».

— У меня уже есть, — сказал Кай, и впервые за весь разговор на его лице появилось что-то похожее на улыбку — слабую, усталую, но искреннюю. Он посмотрел майору прямо в глаза — серые в серые, холодные в холодные. — «Призрак».

Рейнхард усмехнулся. На этот раз усмешка была настоящей — не формальной, не протокольной, а искренней, с оттенком одобрения и чего-то еще, что Кай не смог распознать. Возможно, уважения.

— Призрак, значит. — Он покатал это слово на языке, пробуя его вкус. — Что ж, подходит. Ты и правда как призрак — то ли есть, то ли нет. В симуляторах лучший, в реальности не летаешь. То ли живой, то ли миф. — Он развернулся, собираясь уходить, но на мгновение задержался. — Ну что ж, Призрак, добро пожаловать в «Шторм». Завтра в шесть утра по стандартному времени жду тебя в своем кабинете. Отсек семнадцать, уровень ноль. Код доступа пришлю на твой личный терминал. И... — он бросил взгляд через плечо, и в его бесцветных глазах мелькнуло что-то похожее на веселье, — опаздывать не советую. У меня не принято.

Он пошел прочь — широким, размашистым шагом, — и растворился в полумраке ангара так же бесшумно, как и появился. Только легкое колебание воздуха на том месте, где он только что стоял, напоминало о его присутствии. Кай остался стоять, прислонившись спиной к теплему корпусу «Иглы», чувствуя, как гул двигателей постепенно затихает, как успокаивается дрожь металла, как станция возвращается к своему обычному ритму. В голове звенело от усталости — той самой, которая приходит после адреналинового пика, накрывая свинцовой вол-

ной. В мышцах пульсировала тупая, ноющая боль после перегрузок, в суставах ощущалась слабость, а перед глазами все еще плавали цветные пятна. Но где-то глубоко внутри, под всей этой усталостью и болью, разгорался теплый, ровный огонек. Огонек надежды. Огонек предвкушения.

Он медленно, почти благоговейно, поднес ладони к лицу. Жест получился плавным, словно он боялся расплескать невидимую драгоценную субстанцию, всё еще пульсирующую в кончиках пальцев. Свет холодных ангарных ламп упал на кисти, осветив каждую деталь, каждую линию судьбы на коже. Пальцы подрагивали, выдавая пережитый запредельный шторм эмоций. Это была микроскопическая, едва уловимая глазом дрожь — не от слабости, а от колоссального нервного перенапряжения, которое пришлось пережить этому юному телу. Это была вибрация самой ткани бытия, прошедшей через горнило невозможного.

Он смотрел на эти руки и видел в них удивительный, сакральный парадокс. Те самые руки, которые только что, на глазах у десятков закаленных астронавтов, вырвали из цепких лап космической смерти триста тонн многоцелевого грузовика вместе с живой душой экипажа. Руки, совершившие маневр, который во всех учебниках тактики и пилотажа был отмечен жирным грифом «смертельно». Маневр, требовавший нечеловеческой интуиции и реакции на грани божественного откровения. Именно это запястное, почти музыкальное касание сенсоров заставило легендарного «Шторма» — грозу межзвездных трасс — замереть и обратить на происходящее свой стальной, всевидящий взор.

Обычные руки шестнадцатилетнего мальчишки. Если присмотреться, можно было разглядеть суровую географию его затворнической жизни: жесткие мозоли, натертые бесконечными касаниями сенсорных панелей и симуляторов виртуальной реальности. Под коротко остриженными ногтями — несмываемая, въевшаяся в поры графитовая смазка, словно траурная кайма по его запертому детству. И целая россыпь тонких, почти прозрачных белых шрамов — следы от микротравм, случайных порезов металлической оплеткой кабелей, немых свидетелей бессонных ночей, когда он собирал и разбирал учебные блоки, стремясь постичь душу машины.

Но сейчас это были уже не просто руки. Метаморфоза свершилась. Это были руки пилота. Истинного, посвященного, прошедшего крещение перегрузками и вакуумом.

В этот момент в его сознании произошел щелчок отключения прошлого. Словно лопнула стальная пружина, державшая его в оковах безликости. Кай-Рэм, объект с инвентарным номером 734, перестал существовать. Он больше не был подопытным кроликом, безымянным курсантом, замурованным в стеклянных саркофагах симуляторов. Не был лабораторной мышью, генетическим материалом для изучения или забавным экспонатом бесчеловечных научных изысканий. Иллюзия серости развеялась, как туман над утренним стартовым полем. Теперь у него было имя, которое уже шепотом повторяли техники. Позывной — «Призрак». И статус — Пилот эскадрильи «Шторм».

Где-то в глубинах его грудной клетки всё еще гулко ухало сердце, разгоняя по венам не кровь, а жидкий огонь адреналина. Завтра, ровно в шесть утра по сухому станционному времени, начнется та самая жизнь. Настоящая. Без бутафории виртуальных полигонов, без циничных допусков «ошибка — перезагрузка». Та жизнь, ради которой он провел три бесконечно долгих, сжатых до состояния алмазной пыли года в душных виртуальных кабинах. Жизнь, ради которой он выгрызал у искусственного интеллекта каждую миллисекунду реакции, не спал

ночами, доводя собственное тело до иступления и кровавого тумана в глазах. Его талант, его крест и его благословение, наконец-то обрел истинную цель.

Кай бережно, всё ещё ощущая себя плывущим в невесомости, оттолкнулся от бронированного корпуса «Иглы» — кончики пальцев на прощание скользнули по холодному металлу, словно благодаря бездушную железяку за верную службу. На негнувшихся, ватных ногах, в которых еще жила память о колоссальных перегрузках, он медленно направился к исполинским вратам ангара. Его траектория была прямой, как луч лазера.

Технический персонал, застывший живым коридором, расступался перед ним беззвучно, будто морская гладь перед форштевнем ледокола. Они провожали его глазами. В этих взглядах читалась целая гамма чувств: изумление пополам с суеверным испугом, смешанное с искренним, щенячьим восхищением. Кто-то из старших механиков, кажется, пытался что-то сказать ему вслед, даже протянул руку в замасленной перчатке, но звук застревал в воздухе, не долетая до адресата. Кай ничего не слышал. Реальный мир для него пока что замер на паузу: в ушах стоял басовитый, утробный гул остывающих плазменных двигателей и эхо собственного бешеного сердцебиения, сплетающиеся в единую симфонию посвящения.

Завтра. Завтра всё изменится навсегда. Завтра он покинет эту стартовую площадку, этот старый скрипучий «Фазтон», ставший ему тюрьмой и колыбелью одновременно. Завтра он отправится туда, где пустота между звезд озаряется лишь вспышками орудий, и где его уникальный талант будет нужен не для оценок в журнале, а для того, чтобы вершить историю. Завтра он больше не будет мечтать о легенде. Завтра он сам станет ею.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.